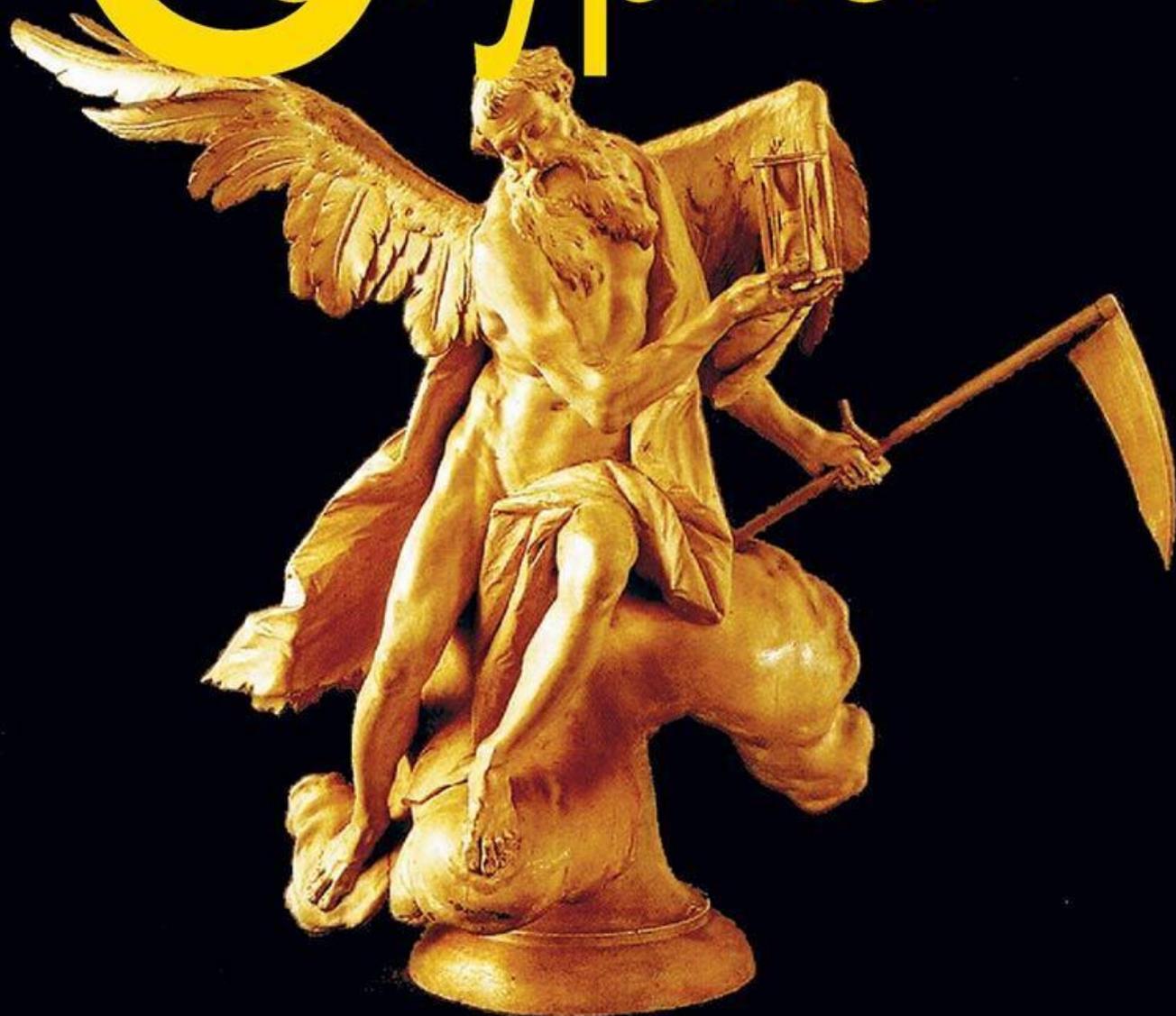

ЮНГИАНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Джеймс
Холлис

Под тенью
Сатурна

Юнгианская психология

Джеймс Холлис

**Под тенью Сатурна.
Мужские психические
травмы и их исцеление**

«Когито-Центр»

1994

Холлис Д.

Под тенью Сатурна. Мужские психические травмы и их исцеление
/ Д. Холлис — «Когито-Центр», 1994 — (Юнгианская
психология)

В своей книге юнгианский аналитик Джеймс Холлис обращается к проблеме психологических травм мужчин и предлагает способы их исцеления. Только разрешив свои проблемы, в частности связанные с воздействием негативного материнского комплекса, отсутствием необходимого образца маскулинности и ритуалов инициации, современный мужчина сможет почувствовать себя зрелым человеком, способным доверять себе и строить доверительные отношения с окружающими. Книга адресована психологам и всем, кто проявляет интерес к аналитической психологии и психологии межличностных отношений. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие автора к русскому изданию	6
Введение	8
Восемь сокровенных мужских тайн	12
Глава 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Джеймс Холлис
Под тенью Сатурна. Мужские
психические травмы и их исцеление

*Посвящается отцу, брату Алану, сыну Тимоти, сыну Ионе, сыну
моей жены Даниэлю и дочери Тарин*

James Hollis

UNDER SATURN'S SHADOW

The Wounding and Healing of Men

© «Когито-Центр», перевод на русский язык, оформление, 2005, 2009

Печатается с разрешения Inner City Books.

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги
полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается.

Предисловие автора к русскому изданию

Я обращаюсь к российскому читателю с надеждой на то, что, несмотря на имеющиеся культурные различия и периоды трагических взаимных подозрений, мы с вами сможем разговаривать на языке общечеловеческих проблем. Как однажды заметил Альбер Камю, можно отвергать коммунизм и вместе с тем преклоняться перед народом, давшим миру Толстого и Достоевского. Эта книга – попытка указать на то, что жизнь мужчины куда больше определяется его ролевыми ожиданиями, чем государством, в котором он живет. Мужчины не очень протестовали против своей якобы независимой социальной позиции. Возможно, эта псевдонезависимость потому так широко распространена и исторически прочна, что лишь очень немногие могут осознать ее ограничения. Вряд ли рыба осознает, что она плавает в воде. Вряд ли мужчины знают о том, что на протяжении целых веков они плыли по течению и подвергали себя опасности.

Выступая перед женской аудиторией, которая часто задает мне вопросы, связанные с мужской психологией, я говорю: представьте себе, что вы утратили контакт с той внутренней, инстинктивной силой, которую всегда считали и своим истинным спутником, и проводником к вашей сущности. Еще представьте, что вы потеряли всех близких друзей и подруг, с которыми могли поделиться своими тревогами и проблемами. Отказавшись от этих двух постоянных источников поддержки и внутреннего целеполагания, вы превратитесь в обычного человека, состоятельность которого зависит только от его внешних успехов, живущего в крайней эмоциональной изоляции и, по существу, чужого и самому себе, и окружающим его людям. Более того, если бы мужчина попытался понять свое внутреннее состояние, он ощутил бы, как его переполняют стыд, слабость и неуверенность в себе. Если раньше женщины считали, что социальное положение мужчин является привилегированным, ибо в большинстве своем именно они стоят во главе разных социальных институтов, то теперь женщины видят, в каком ужасном смятении оказались мужчины в силу своей же социальной тирании, и начинают смотреть на мужчин с возрастающей симпатией и пониманием.

Изредка меня просит обратиться к этой теме и мужская аудитория. Недавно мне пришлось говорить об этом в одной мужской группе, так как мужчины заранее не сказали мне, что они хотели бы услышать. Они слушали меня внимательно и серьезно, иногда снимая напряжение коротким нервным смехом. Вопросов было очень мало. После нашей встречи один мужчина вышел вместе со мной на улицу и сказал: «Осознаете ли вы, что всколыхнули все то, что накопилось у них внутри?» – «Я лишь сказал ту правду, которую они и так знают», – ответил я. «Да ведь именно ее они и боялись», – заметил он.

Эта книга была написана мною более десяти лет тому назад. В те времена кое-где в США еще существовали очаги мужского движения, но уже тогда можно было наблюдать, как ослабевает его влияние. Хотя я и тогда, и сейчас поддерживаю формирование мужских групп, однако вижу, что большинство этих групп просто распадаются, перерождаясь в типичные для социальных институтов властные структуры. В настоящее время вряд ли можно вообще говорить о существовании мужского движения, несмотря на то что и здесь, и там есть небольшие группы мужчин, которые, встречаясь друг с другом, обсуждают свою жизнь, убеждаясь в том, что они не так одиноки, как им могло показаться.

А потому в последней главе книги сделан акцент на том, что исцеление души современного мужчины – это прежде всего результат индивидуальных усилий. Все мы знаем, что настоящие социальные изменения начинаются с самоосознания и мужества отдельного человека, то есть со способности думать о том, о чем остальные боятся думать. Я надеюсь, что эта книга поможет моим русским читателям почувствовать себя менее одинокими и начать процесс сво-

его индивидуального освобождения, который может сделать всех нас более социально свободными и духовно раскрепощенными.

*Джеймс Холлис
Хьюстон, Техас
январь 2003 г.*

Введение

Запомните, вы пришли в этот мир, уже осознав необходимость бороться с собой – и только с собой. А значит, благодарите любого, кто предоставит вам эту возможность.

Гурджиев. Встречи с замечательными людьми

Мысль написать эту книгу возникла у меня в апреле 1992 года после моего выступления в Центре К. Г. Юнга в Филадельфии. Это выступление сильно запоздало. Я лично лет десять избегал говорить на тему мужского страдания, вдохновения и исцеления, хотя она все больше и больше интересовала меня как юнгианского аналитика. Двенадцать лет назад отношение анализируемых женщин и мужчин в моей практике составляло 9:1. Теперь среди моих пациентов больше мужчин, чем женщин (в соотношении 6:4). Уверен, что подобное изменение в соотношении пациентов мужского и женского пола наблюдается и у других терапевтов; те же причины повлияли и на подъем мужского движения. Я избегал этой темы, так как очень многое казалось мне обыденным. Я считал, что в лучшем случае здесь очень много работы, связанной с исследованиями и с эмоциональным очищением, а в худшем – это представляет собой широко распространенное явление, которое мне было не очень приятно.

Я посвящаю очень много времени индивидуальной терапии и изучению личностных изменений людей. Как правило, это настолько напряженная и глубоко индивидуальная работа, что можно забыть о существовании огромного внешнего мира и самых разных социальных проблем, часть которых непосредственно связана с нами и соприкосновение с которыми становится для нас травматическим. Но со временем мне стало ясно, что истории отдельных мужчин переплелись между собой и превратились в устойчивые лейтмотивы. Постепенно я стал понимать ту истину, которую женщины узнали о себе раньше нас: коллективный опыт мужчин (так же как и женщин) является неотъемлемой частью любой индивидуальной судьбы. На формирование каждой отдельной личности влияют как все перипетии и хитросплетения ее индивидуального развития, так и социальная мифология.

Конечно, сегодня существует много книг, посвященных разным аспектам внутренних противоречий современного мужчины. В своей работе я иногда буду прямо ссылаться на них, делая это обдуманно и с большим удовольствием. Все мы участвуем в борьбе за создание мужского сообщества, и голос каждого из нас звучит по-разному. Я не ставлю цели внести свой вклад в изучение мужской психологии, а лишь хочу остановиться на сложных вопросах, обобщить их и представить в таком виде, чтобы они стали понятны многим. Для этого я использую материалы из собственной клинической практики, связанные с мужской психологией. Своим клиентам мужчинам я очень благодарен за разрешение опубликовать эти материалы.

Цель книги «Под тенью Сатурна» заключается в том, чтобы предложить читателю краткий обзор эмоциональных травм мужчин и возможностей их исцеления, а также исследовать ситуацию в этой области психологии, сложившуюся в последнем десятилетии XX века.

Более того, могу сказать откровенно: много лет я избегал говорить на эту тему не только потому, что мне казалось, будто эти проблемы еще четко не обозначились, но и потому, что я сам испытывал мучительные страдания, живя под тенью Сатурна. И до сих пор мне не всегда ясно мое отношение к собственной маскулинности. По воле судьбы я родился мужчиной. В течение многих лет я просто считал это случайностью, принимал как должное все последствия и был уверен, что выход из-под покрова тени скорее вызовет у меня страх, чем даст ощущение свободы. В книге я буду использовать цитаты из некоторых автобиографий, так как считаю, что они точно и полно отражают суть проблемы. Как заметил художник Тони Берлант, «чем

больше личного и интроспективного содержания включает в себя художественное творчество, тем более универсальным оно становится»¹.

Концентрируя внимание на проблемах мужчин, я нисколько не собираюсь преуменьшать травмы, переживаемые женщинами. Мы, мужчины, находимся в огромном долгу перед женщинами, которые не только говорили во всеуслышание о собственной боли в рамках нашей культурной женофобии, но и стремились к тому, чтобы мужчины, насколько это возможно, могли стать самими собой. За это мы, мужчины, им очень признательны. Их *cri de coeur*² помог мужчинам более осознанно отнестись к собственным травмам, и в итоге все мы добились лучшего результата. Пример женщин, борющихся за свое освобождение от коллективной тени, придает мужчинам мужества и побуждает их поступать так же. Пока мужчины не смогут выйти из тьмы, мы будем продолжать наносить травмы женщинам и самим себе, а мир не станет безопасным и свободным. А значит, мы должны сделать это не только для себя, но и для тех, кто нас окружает.

В середине XIX века датский теолог Серен Кьеркегор заметил, что нельзя спасти свою эпоху, можно лишь выразить убеждение, что жизнь брэнна³. Силы бессознательного, общественные институты и идеологии, направляющие нашу жизнь, настолько инертны, что нельзя надеяться на быстрое изменение общества и характерных для него социально-половых ролей. Но первое и обязательное условие – мужчины должны осознать, что несут в себе мучительную травму. Бессознательное ощущение своей уязвленности заставляет их постоянно наносить травмы и себе, и женщинам. Я часто прихожу в недоумение от того, как у женщин помимо их воли растет ненависть к мужчинам, которые их подавляют, и почти так же удивляюсь тому, как у мужчин растет страх и ненависть по отношению друг к другу.

Таким образом, в этой книге учитывается опыт многих людей, позволяющий каждому конкретному мужчине расширить рамки своего сознания, выразить свое отношение к происходящему и найти путь к исцелению. Образы, которые сознательно и бессознательно управляют нашей жизнью, можно проработать только в результате мучительных индивидуальных переживаний, но возрастающая способность мужчин признавать свою печаль и гнев, принимать участие в начинающемся разговоре друг с другом тоже поможет исцелить травмы, связанные с воздействием внешнего мира.

Я предлагаю читателю посмотреть на себя с точки зрения описанного здесь странствия. Например, для женщины может быть полезным описание борьбы с материнским комплексом, оно позволит ей осознать эту странную амбивалентность, которая, видимо, всю жизнь заставляет мужчин страдать. В мужском странствии существует много этапов и много опасностей. Наши страхи и задачи, которые мы перед собой ставим, очень много для нас значат. Это неправда, что все, чего мы не знаем, не причинит нам боли; в действительности все, чего мы не знаем, причинит нам очень сильную боль, и тогда мы, как Самсон, вслепую обрушим храм на свои головы⁴.

Чтобы подвести каждого из нас к большему осознанию происходящих с мужчиной перемен и его мучительных исканий, мне придется раскрыть мужские тайны. Я написал о них так, чтобы они были более понятны женщинам. Некоторые из этих тайн могут оказаться новыми для самих мужчин, и все же я не сомневаюсь: каждый мужчина, читатель этой книги, согласится с тем, что они указывают на травмы, которые он носит в своем одиноком, наполненном

---

¹ *Clothier P.* Hammering Out Magic // Art News. P. 113.

² Крик души (франц.).

³ *Kierkegaard S.* The Journals of the Kierkegaard. P. 165.

⁴ Имеется в виду библейская притча о Самсоне. Самсон, не знавший о том, что его предала Далила и что от него отступился Господь, по-прежнему считал себя неуязвимым и, обрушив весь дом на своих врагов, сам погиб под его развалинами (Книга Судей, 16: 18, 20, 30).

страхом сердце. Если мы не в силах ничего сделать с уязвленностью и страхом, то, по крайней мере, можем покончить с одиночеством.

* * *

Название этой книги напоминает нам о том, что и мужчины, и женщины всегда несут на себе тяжкое бремя тени идеологий: одни – сознательно, другие – унаследовав его от семьи и этнической группы, в качестве какой-то части национальной истории или ее мифологической основы. Эта тень отягощает душу человека. Мужчины чувствуют бремя этой тени, подавляющее и поражающее их силу духа. Ощущение ее тяжести является сатурнианским. Мужчина в нашей культуре – это человек, который должен исполнять различные социальные роли, отвечать определенным ожиданиям, конкурировать и испытывать враждебность. Но именно это обесценивает лучшие качества и способности мужчин, ведет к тому, что это бремя становится невыносимым. Оно ощущалось всегда, но сегодня мужчины, обладающие мужеством, начинают сомневаться в необходимости жить, испытывая бремя этой тени.

Сатурн был римским богом, покровителем сельского хозяйства. С одной стороны, как бог земледелия, он покровительствовал римской цивилизации; с другой стороны, он ассоциировался с целой серией мрачных, кровавых историй. Его древнегреческий прообраз Крон был порождением мужского начала – Урана и женского начала – Геи. Уран ненавидел своих детей, так как боялся за свое будущее; миф говорит о том, что он был «первым, совершившим постыдные поступки»⁵. Его жена Гея наточила серп и побудила Крона напасть на отца. Крон подкрался к спящему Урану и оскопил его с помощью серпа. Схватив левой рукой (с которой с тех пор соотносятся плохие предзнаменования) отрезанные гениталии, он забросил их вместе с землей в море. Из пролившихся на землю капель крови Урана возникли три страшные эринии: Алекто, Тисифона и Мегера, мстящие отцеубийцам и клятвопреступникам. Из семени Урана, попавшего в море, родилась Афродита, имя которой буквально означает «рожденная из пены»⁶.

Крон-Сатурн сменил своего отца и стал точно таким же тираном и деспотом. Как только у них с супругой Реей родились дети, он пожирал их. Единственным ребенком, которому удалось избежать этой участи, был Зевс. Когда Зевс вырос, он, в свою очередь, пошел на отца войной, которая продолжалась десять лет. С триумфальной победой Зевса появились многие признаки цивилизации, но и он тоже оказался жертвой комплекса стремления к власти и превратился в деспота⁷.

Таким образом, история о Кроне-Сатурне – это история о власти, ревности и опасности, то есть о насилии над эросом, над способностью к рождению и над самой землей. Как однажды заметил Юнг, там, где есть власть, не может быть любви⁸. Человек стремится быть всемогущим, как боги, но мы видим, как власть, которой он обладает, искажается, превращаясь в комплекс. Сама по себе власть нейтральна, но без любви она управляется страхом и компенсаторными амбициями, которые в конце концов приводят к насилию. Как заметил Шекспир, «нет покоя голове в венце»⁹.

Исторически сложилось так, что большинство мужчин выросли под тенью Сатурна. Страдая от своей несостоятельности и постоянно испытывая страх, они наносили травмы себе и

---

⁵ Cronwell's Handbook of Classical Literature. P. 109.

⁶ Там же. P. 41.

⁷ Преследование им Прометея, да и других, очень хорошо известно. См., например: *Hamilton E. Mythology*. P. 75–78.

⁸ «Там, где царит любовь, нет места стремлению к власти, а где стремление к власти взяло верх, там нет места любви». См.: *Jung C. G. Two Essays on Analytical Psychology // Jung C. G. C. W. Vol. 7. Par. 78.* [Полное собрание сочинений Юнга здесь и далее сокращенно обозначается С. W.]

⁹ *Шекспир В. Король Генрих IV. Часть вторая // Весь Шекспир. В 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 701.*

другим. Современные мужчины могут считать, что альтернативы не существует и наследие Сатурна – это все, что у нас есть. Я в это не верю.

Я предлагаю читателю книгу «Под тенью Сатурна», чтобы разобраться в некоторых из множества способов, при помощи которых эти темные мифы бережат нашу душу. Я надеюсь, что книга поможет каждому человеку заглянуть в себя, чтобы обрести внутреннюю свободу.

Восемь сокровенных мужских тайн

1. Жизнь мужчины, как и жизнь женщины, во многом определяется ограничениями, заложенными в ролевых ожиданиях.
2. Жизнь мужчины в существенной мере управляется страхом.
3. Фемининность в мужской психике обладает огромной властью.
4. Мужчины хранят молчание с целью подавить свои истинные эмоции.
5. Травма является необходимой, так как мужчины должны покинуть мать и психологически выйти за рамки материнского.
6. Жизнь мужчин полна насилия, так как насилию подверглась их душа.
7. Каждый мужчина очень тоскует по отцу и нуждается в общении со старейшинами своего сообщества.
8. Если мужчины хотят исцелиться, им следует мобилизовать все свои внутренние ресурсы, восполнив то, что они в свое время не получили извне.

Глава 1

Наследие Сатурна: заповеди, роли, ожидания

«Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах». Так начинает Жан-Жак Руссо свой труд «Социальный договор, или Принципы политического права», написанный в 1762 году. Мы приходим в этот мир свободными, независимыми и здоровыми. Но поскольку мы тесно связаны с родителями и культурной средой, в которой растем, то постепенно утрачиваем свою природную сущность. Все мы проходим через социализацию, позволяющую нам создавать семью, участвовать в жизни разнообразных социальных институтов, которые хотя и обладают определенной самостоятельностью, но постоянно требуют, чтобы человек жертвовал ради них своей индивидуальностью.

В строении наших костей, в ткани наших нервов, в коридорах нашей памяти мы сохраняем драгоценные черты младенца. Кто из нас, подобно юному герою романа Джеймса Эджи, не лежал на траве под звездами ночного летнего неба и не размышлял о таинстве этой жизни, с помощью детской интуиции пытаясь разобраться в вопросах, которые она перед нами ставит? «Мы сейчас говорим о летних вечерах в Кноксвилле, штат Теннесси, в те времена, когда я там жил, успешно выдавая себя за ребенка»¹⁰. Как только взрослые выходили из-за обеденного стола, услышав шум струи поливальной машины, и взбирались на скрипучее покатое крыльцо, мы, дети, сразу уносились своими мечтами туда, где

...дремота, томно улыбаясь, влечет нас к себе и уносит туда, где меня принимают как хорошо знакомого и любимого человека, в том другом доме... но при этом не скажут ни сейчас, ни потом, никогда не скажут о том, кто я такой¹¹.

Подобные размышления о прошлом посещают каждого из нас: размышления о нашем пребывании на этой земле, о тумане страха, устилающем путь в будущее, и, несмотря на этот страх, воспоминания о радости жизни, которая бурлит у нас в крови. Но куда же ушла та радость? Откуда эта тяжесть, боль в теле, душевная усталость, апатия мыслей и ломота в костях? Что случилось с тем ребенком – здоровым, полным наивной детской гордости собой? Он по-прежнему спонтанно живет в нас, пребывая «в одиноком ощущении скоротечной радости»¹², в легкой паутине сновидений, сразу ускользающих от сознания, как только мы включаемся в нашу ежедневную работу. Он живет, но запрятан где-то глубоко внутри нас. Он очень устал под огромной тяжестью тени Сатурна.

Позвольте мне привести пример из своего детства. Время от времени мой отец смеялся, или шутил, или даже присвистывал. Но, уже будучи ребенком, я постепенно стал понимать, что, когда он свистел, дела обстояли очень плохо, причем даже в тех случаях, когда я ощущал в этом свисте какой-то героический порыв. Он «свистел в темноте»¹³, создавая видимую маску благополучия. Спустя какое-то время я стал понимать, что, начиная свистеть, он не чувствовал радости, а, наоборот, ему было плохо. Несмотря на все его усилия скрыть неприятности, я знал, что его дела идут не лучшим образом.

Мой отец был вынужден завершить свое образование в восьмом классе, так как его отец потерял работу в компании по изготовлению сельскохозяйственной техники в период Великой депрессии, когда многие фермы на Среднем Западе стали разоряться еще до наступления

---

¹⁰ Agee J. A Death in the Family. P. 11.

¹¹ Там же. P. 15.

¹² Yeats W. B. An Irish Airman Foresees His Death. Line 11 // Collected Poems of W. B. Yeats.

¹³ «Свистеть в темноте» – устойчивое словосочетание, означающее «вести себя, словно не чувствуя страха».

полного краха в 1929 году. Вполне определенное послание моему отцу, на которое он отвечал всю оставшуюся жизнь, заключалось в том, что он должен был пожертвовать своими личными интересами и работать для поддержания семьи.

Будучи старшим ребенком в семье, я помню и то, как он потом целыми днями работал на фабрике «Эллис-Чалмерс» на конвейере, где собирали тракторы и другое сельскохозяйственное оборудование, а ночами и в выходные дни развозил на грузовике людям уголь и сгружал его лопатой. Позже, по иронии судьбы, его назначили «аналитиком» на этот сборочный конвейер; он объяснял своим коллегам, инженерам с высшим образованием, как можно справиться с той или иной проблемой, над которой они ломали голову. За это время он изучил работу всей системы конвейера. Отец мог найти и исправить любую возникшую на производстве неполадку и наконец занял должность, равную по статусу должности инженера, отвечающего за соблюдение техники безопасности.

В течение 50 лет каждую пятницу он приносил домой чековую книжку, на которую почти всегда была начислена очень приличная зарплата. Мы никогда не голодали, как, например, бывало, голодал мой лучший друг Кент, но даже тогда я знал, что отец беспокоился, чтобы мы не голодали. И именно от него я получил свое первое сатурнианское послание, ясное и непререкаемое. Оно заключалось в том, что быть мужчиной – значит работать. Работать всегда, выполнять любую работу, чтобы поддержать тех, за кого несешь ответственность. Это означало, что удовлетворение личных потребностей отходит на второй план по сравнению с такой высокой задачей. Много лет спустя, когда одна женщина спросила меня, какую надпись мне бы хотелось иметь на своем надгробном камне, я ответил: «Здесь лежит тот, на кого можно было положиться». Это послание было таким весомым, что мой отец, а позже и я сам были готовы умереть, чтобы его исполнить и остаться такими в памяти потомков.

Спустя много времени, когда я написал отцу поздравительную открытку, он мне ответил несмотря на разделявшую нас эмоциональную пропасть: «Простите меня, мои мальчики, за то, что не смог вас очень хорошо узнать, потому что должен был все время работать». Он ругал себя за то, что наше взросление и развитие прошли мимо него. И, несмотря на это, я отдаю должное его преданности нам и считаю, что он сделал для нас все, что мог. Я знал, что он работал на нас, страдал из-за нас, беспокоился о нас, и сначала я не думал, что у него могут быть какие-то болезненные переживания, связанные с его работой. Вместе с тем я понимал: такая жизнь не идет ему на пользу, но, по-видимому, жить именно так для него значило быть мужчиной.

В период нашего формирования разразилась Вторая Мировая война. Я помню, как люди в тревоге собирались вокруг динамиков, чтобы услышать о жестоких сражениях в Европе и Юго-Восточной Азии и узнать что-то о своих близких, которые находились где-то там, в местах с такими странными названиями, как Тулаги, остров Минданао, или за крупнокалиберным пулеметом в хвосте В-17¹⁴. (Они вернулись обратно; но двадцатичетырехлетний парень возвратился с Филиппин совершенно седым, а стрелок-радист – с осколком зенитного снаряда, оставшимся в его ноге.)

Черный креп одежды, горестные, полные слез расставания на вокзалах, огромная, нескрываемая тревога внесли в мое ощущение жизни нечто очень большое и ужасное, то, что остается и сейчас и не может нас отпустить. Я наслушался ужасных историй, например, о семье, получившей от сына открытку из Красного Креста. В ней прямо под маркой я прочитал: «Они отрезали мне язык». Не знаю, была ли в этих рассказах правда, но окружавшие меня взрослые им верили. Этого мне было достаточно.

---

¹⁴ В-17 – основной бомбардировщик военно-воздушных сил США, который наряду с другим бомбардировщиком, В-24, участвовал во Второй Мировой войне, преимущественно в бомбардировках Германии. Буква «В» в названии самолета В-17 является первой буквой слова «Bomb» – бомба.

Военное время дало мне второе неоспоримое послание о том, что значит быть мужчиной. Я был твердо уверен: моя судьба заключается не в том, чтобы стать «акулой капитализма», а в том, чтобы вырасти и стать солдатом, отправиться куда-то далеко, чтобы там убивать или быть убитым либо же измученным и искалеченным вернуться домой. Целые ночи напролет я лежал в кровати, не в силах заснуть, представляя все эти ужасы, предназначенные мне судьбой. Люди, пережившие Великую депрессию, сохранили на себе ее шрамы и оставшийся в глубине страх. Пережившие военное детство до сих пор содрогаются при воспоминании о царивших тогда ужасах и неопределенности.

Будучи ребенком, выросшим на Среднем Западе, я находился так далеко от разрушенных и уничтоженных городов, но для нас линия фронта проходила везде, и везде мы испытывали страх. Тогда я даже не слышал о Дахау, Берген-Бельзене и Маутхаузене, но, став взрослым, я приехал туда со своими детьми. То, что я почувствовал, нельзя назвать паранойей. Меня охватило страшное беспокойство... Но, поскольку я был мужчиной, от меня ожидали мужской реакции и мужской ответственности... Самое тяжелое наследие Сатурна составляют работа, война и тревога!..

Каждый мужчина может вспомнить похожие переживания. Каждый может оказаться в ситуации, когда он чувствует, что от него требуется нечто большее, чем просто способность понять.

Ребенок, втянутый в такой водоворот событий, отчаянно ищет хоть какую-то информацию, пример для подражания, модель поведения, совет, указание, помощь; получив ее, он может сразу отказаться и, возможно, даже станет подавлять. Выбрав этот путь, юноша надеется, что «они» (взрослые) отведут его в сторонку и научат всему, что ему нужно знать.

Помню, как я стал свидетелем одного таинства именно тогда, когда мне это было нужно больше всего, чтобы понять, что значит быть мужчиной. У отца в ладони застрял рыболовный крючок. Не меня выражения лица, отец его вытащил.

Я стал подозревать, что взрослые не чувствуют боли так, как чувствуют ее дети, но вместе с тем я считал, что его кто-то научил этому загадочному мужеству и терпению, которому я так отчаянно хотел научиться. Хотелось надеяться на то, что однажды «они» отведут меня в сторонку и научат, как быть мужчиной. Я верил, что это может случиться, когда нужно будет пойти в школу. (Ничего еще не зная о том, что такое пубертат, я видел, что старшеклассники гораздо больше нас по своим габаритам, а потому они казались мне ближе к тем людям, которых называют взрослыми.) Но, к своему удивлению и разочарованию, с приближением дня, когда я должен был пойти в школу, я почувствовал, что «они» никогда не отведут меня в сторону и не скажут, что значит быть мужчиной и как вести себя по-взрослому.

Теперь я, конечно же, знаю, что «они», старейшины нашего времени, тоже не знали, что значит быть мужчиной. Они тоже не прошли инициацию и вряд ли могли пережить таинства и получить освобождающее их знание.

Так постепенно я пришел к осознанию необходимости совершения переходного ритуала, превращающего мальчика в мужчину. Такой ритуал не только обозначает переход от детской зависимости к самостоятельности взрослого человека, но и обеспечивает преемственность таких ценностей, как чувство гражданского долга, а также таких установок и убеждений, которые связывают человека с его богами, обществом, в котором он живет, и с самим собой. Надо сказать, что такие ритуалы уже давно утратили свое влияние и исчезли. «Часто приходилось слышать, – заметил Мирча Элиаде, – что одной из характерных особенностей современного мира стало исчезновение всех традиционных ритуалов инициации»¹⁵. В наше время может оказаться непонятным даже само словосочетание «ритуал инициации», или «переходный ритуал».

---

¹⁵ Jung C. G. Rites and Symbols of Initiation. P. IX.

Ритуал – это движение в глубину. Ритуалы не изобретают – их открывают, находят, совершают; они рождаются при достижении архетипической глубины. Цель символического действия, которое воспроизводится в ритуале, заключается в том, чтобы вовлечь человека в такого рода глубинное переживание. Бессмысленное повторение переходных ритуалов может привести к утрате их способности выводить человека за рамки совершающегося действия, в архетипическую глубину. И тогда ритуал становится пустым и бессодержательным.

Вместе с тем у человека по-прежнему есть потребность в погружении в архетипические глубины. В своей работе «Символическая жизнь» Юнг пишет о том, как важно индейцам племени пуэбло считать, что их ритуалы помогают восходу солнца.

Люди ощущают умиротворение, когда чувствуют, что живут жизнью, наполненной символами, и являются актерами в божественной драме. Только такая жизнь придает смысл человеческому бытию, все остальное оказывается банальным и не заслуживающим внимания. Деловая карьера, деторождение – все это лишь *майя*¹⁶ и очень удалено от истинного смысла вашей жизни¹⁷.

Живя в обществе, в котором не осталось ритуалов, придающих жизни смысл, мы встаем перед жестокой реальностью – жизнью на поверхности. Сама идея *перехода* содержит в себе глубинный смысл, ибо любой переход подразумевает некое завершение, конец чего-то и вместе с тем некое начало, рождение нового. Статична только смерть; основной закон жизни – изменение, и нам предстоит пройти через множество смертей и возрождений, если мы хотим прожить жизнь, наполненную смыслом¹⁸. *Инициация* подразумевает вступление человека в новый и таинственный мир.

В связи с тем, что переходные ритуалы практически исчезли из нашей культуры, современному мужчине приходится самостоятельно доходить до понимания важности такого рода событий. Ибо то, чего теперь нам не дает наша культура, мы вынуждены искать для себя сами.

Несмотря на множество культур с присущими им особенностями, архетипические стадии таких переходных ритуалов в них были поразительно схожими. Кажется, что наши предки интуитивно улавливали важность такого обособления и развития личности и чувствовали необходимость таких процессов. Длительность, интенсивность и определенность этих ритуалов напрямую зависели от трудности расставания с детством и взросления. В нашей культуре лишь очень немногим людям удается осуществить психологическое отделение от родительской семьи и стать взрослыми, поэтому имеет смысл раскрыть и осмыслить переживания человека на всех стадиях процесса инициации. Повторяю: все, что нам не дала наша культура, приходится восполнять самостоятельно. Мы не можем уйти от решения данной проблемы, ссылаясь на свое невежество, ибо в таком случае процесс превращения мальчика в мужчину останется незавершенным.

Обобщенно можно представить шесть стадий переходного ритуала. Несмотря на то что содержание каждой из них различалось в зависимости от местных условий и традиций, сами стадии вполне вписывались в единые общекультурные формы.

Первая стадия переходного ритуала – *физическое отделение* от родителей, необходимое для начала психологического отделения. Здесь у мальчика никогда не было выбора. Среди ночи его «похищали» у родителей старшие соплеменники, которые, надевая маски или раскрашивая лица, перевоплощались в богов или демонов. Маски помогали им совершить переход с уровня родственников и соседей к уровню богов и архетипических сил. Внезапность и даже насилие, присущее такому отделению, олицетворяли собой тот факт, что ни один юноша добровольно не расстанется с комфортом домашнего очага. Его тепло, защита и забота имеют огромную

---

¹⁶ Майя – метафора иллюзии в юнгианской психологии.

¹⁷ Jung C. G. The Symbolic Life // Jung C. G. C. W. Vol. 18. Par. 630.

¹⁸ См. мою книгу: Hollis J. The Middle Passage: From Misery to Meaning in Midlife.

притягательную силу. Но остаться у домашнего очага, образно или реально, значит остаться ребенком и тем самым отречься от возможности стать взрослым.

Второй стадией переходного ритуала была *смерть*. Мальчик должен был быть символически похоронен: он проходил через темный туннель, полностью погрузившись в реальный или символический мрак. Хотя это действие, несомненно, приводило его в ужас, на самом деле юноша переживал символическую смерть детской зависимости. Он по-настоящему страдал от утраты родительского очага. «Ты больше не сможешь вернуться домой». Это была потеря невинности, потеря связи с раем, детским эдемом. Во время такого «умирания» ребенок, по образному выражению Дилана Томаса, «уносится куда-то, на далекую ферму, навсегда расставшись с миром своего детства»¹⁹.

Но, несмотря на смерть, жизнь должна продолжаться. Поэтому третья стадия представляла собой ритуал *возрождения*. Иногда это возрождение сопровождалось изменением имени, подтверждая появление на свет нового человека. (Христианское крещение, очевидно, символизирует такой мотив смерти – возрождения, когда во время совершения ритуала человек возвращается в родную водную среду. Римско-католическая конфирмация²⁰, а также бар и бат митцва²¹ в иудаизме – примеры дошедших до нас ритуалов.)

Четвертая стадия инициации обычно включала в себя *обучение*, то есть приобретение знаний, которые требовались юноше, чтобы он мог вести себя как взрослый мужчина. Основная задача здесь состояла в приобретении практических навыков, таких, как охота, рыболовство, умение обращаться со скотом, которые позволяли новообращенному мужчине наряду с другими мужчинами поддерживать и защищать свое сообщество. Кроме того, ему сообщали о его правах и обязанностях взрослого мужчины и члена сообщества. И наконец, на этой стадии происходило посвящение в таинства, при котором у юноши должно было появиться ощущение твердости духа и сопричастности трансцендентному миру. «Кто наши боги?» «Какому обществу, каким законам, этике, духовным ценностям они покровительствовали?» Помещение юноши в мифический контекст собственной формирующейся идентичности придавало ему ощущение многомерности процесса, в котором он участвовал, и обогащало его душу.

Пятую стадию можно определить как *суровое испытание*. По своему содержанию оно могло быть разным, но при этом мальчик должен был подвергаться мучительным страданиям из-за ухода от домашнего очага, обеспечивающего ему комфорт и защиту. Подробнее об этом я скажу немного позже, но нас, современных людей, особенно поражает, что неоправданная на первый взгляд жестокость этих испытаний фактически была частью мудрого понимания того, что такие страдания ускоряли осознание. Осознание приходит только через страдания; без страданий, выраженных в той или иной форме, физической, эмоциональной или духовной, мы легко удовлетворяемся прежними правилами, удобными привычками и зависимостями. Вторая причина необходимости страданий связана с желанием помочь мальчику привыкнуть к превратностям реальной жизни, которые он довольно скоро испытает на себе. Хотя подобная практика кажется нам варварской, ритуальное «обрезание» и «кровопускание» не только знаменует расставание с телесным комфортом и детскими зависимостями, но и накладывает на человека знак избранности, принадлежности к сообществу прошедших через инициацию взрослых.

Испытание обычно включало определенные формы изоляции, пребывание в сакральном пространстве, отдельно от остального сообщества. Существенная особенность взрослой личности состояла не столько в том, что человек больше не мог вернуться под защиту взрослых, а

---

¹⁹ Thomas D. Ferm Hill // Thomas D. Collected Poems. P. 180.

²⁰ Таинство миропомазания – помазание частей тела (лба, ладоней, ступней) святым миром – означает введение в звание мирянина, члена церкви. Совершается над детьми 7–12 лет.

²¹ Бар и бат митцва – традиционные еврейские праздники, посвященные официальному совершеннолетию мальчиков и девочек по достижении ими 13 и 12 лет соответственно.

в том, что он учился использовать внутренние ресурсы. Никто не догадывается о существовании таких ресурсов, пока ему не придется их использовать. Мир природы темен; в нем много «странных зверей и демонов», и конфронтация человека с собственным страхом – это момент истины. Ритуальное уединение позволяет приблизиться к постижению главного: независимо от того, в какой мере наша социальная жизнь связана с семьей, мы совершаем странствие по ней в одиночестве и должны научиться находить внутренние ресурсы и равновесие, иначе никогда не станем взрослыми. Часто проходящий инициацию юноша проводил в одиночестве месяцы, ожидая Великого Сна как послания богов о своем настоящем имени или истинном призвании. Он мог полагаться только на свою сообразительность, свое мужество и свое оружие; в противном случае у него оставалось мало шансов на выживание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.